

УДК [271.2-772(470.312):2-526-674.5]”1921/1922”

Евсеев Н.Н.¹

**КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В
ТУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ (1921—1922)**

Тульский государственный университет

Evseev N.N.

**CAMPAIGN OF CHURCH'S PROPERTY EXPROPRIATION IN
TULA DIOCESE (1921—1922)**

Tula State University

Аннотация. Статья содержит информацию о ходе кампании по изъятию церковных ценностей в Тульской епархии в контексте общего наступления советской власти на Церковь в 1917—1922 гг. Основной задачей кампании было изъятие у Церкви в пользу государства ценностей в виде богослужебных сосудов, риз с икон и иных предметов церковного обихода, изготовленных из драгоценных металлов. Стратегическая цель кампании по изъятию церковных ценностей заключалась в их дальнейшей перепродаже в первоначальном либо переплавленном виде на Запад за валюту для пополнения золотовалютных резервов РСФСР. В Тульском регионе, как и в большинстве других регионов России кампания, по существу, провалилась, поскольку изъято было несопоставимо меньшее количество ценностей, чем предполагалось изначально.

Ключевые слова: Церковь, советская власть, потир, дискос, риза, икона, храм, духовенство, финотдел, Помгол.

Abstract. The article contains information about campaign of Church's property expropriation in Tula diocese in 1921—1922. It was a part of soviet power's attack against Russian Orthodox Church after Russian Revolution in October 1917. The main object of campaign was expropriation of church's property: church utensils, icon vestments made of precious metals. The strategic purpose of the campaign is Church property's resale to the West for supply Soviet

¹ Евсеев Николай Николаевич — клирик храма Двенадцати Святых Апостолов г. Тулы, доцент кафедры теологии Тульского государственного ун-та.

Russia's international reserves. The campaign was failed in Tula. It was expropriated incomparably fewer property than it was supposed earlier.

Key words: Church, soviet power, property, clergy, chalice, paten, icon vestments, finance department, the Committee for Famine Relief.

Революционная эпоха принесла с собой множество прежде неизвестных в России явлений, одним из которых стала борьба с религией на государственном уровне. Следуя марксистскому постулату о том, что религия является опиумом народа и будет с течением времени и развитием социалистического образа жизни отмирать, большевики сразу после прихода к власти принялись за устранение любых элементов религии из жизни общества. Первым шагом по реализации программы партии большевиков в отношении религии стало принятие Советом Народных Комиссаров РСФСР (далее — СНК РСФСР) декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви от 23 января 1918 г. Наиболее угрожающими для Церкви являлись последние три пункта Декрета, лишавшие Церковь права на самоуправление, а также прав юридического лица и объявлявшие церковную собственность народным достоянием, что означало лишение Церкви экономической базы и установление зависимости религиозных организаций от государства в контексте осуществления богослужений в храмах, не являющихся более церковной собственностью: государство в любой момент могло закрыть храм для верующих и передать его под другие нужды, например, клуб или планетарий.

Следующим этапом в борьбе советской власти против религии и, прежде всего, Русской Православной Церкви, стала организация двух кампаний: по вскрытию мощей святых и изъятию церковных ценностей. Каждая из них нанесла серьезный удар по авторитету Церкви и ее структуре. Предметом данной статьи является кампания по изъятию церковных ценностей в Тульской епархии, тогда как кампания по вскрытию мощей святых является предметом отдельного исследования.

Информация о ходе кампании по изъятию ценностей в Тульской губернии содержится в отчете Тульского губернского финансового отдела 1925 г.: «В период кампании по изъятию церковных ценностей с конца марта по июнь 1922 г. работа протекала самым ударным порядком. Центром было предписано проделать эту работу боевым темпом...» [1, л. 91—92]. Церковные советы составляли опись подлежащих сдаче церковных ценностей и посылали своих представителей для их передачи. В губернском и уездных финансовых отделах эти ценности принимались от членов церковных советов в присутствии од-

ного из членов комиссии, одного из представителей РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции), ювелира и кассового персонала финансовых отделов. Все ценности рассматривались и взвешивались, составлялись 4 экземпляра акта о приеме, в котором подробно описывались ценности по родам. Акты подписывались лицами, сдавшими ценности, и лицами, их принявшими. Один экземпляр акта вручался представителям церковного совета, другой отсылался в губернскую комиссию по изъятию ценностей, третий посылался в Гохран вместе с ценностями и четвертый оставался в делах финансовых отделов.

По мере накопления ценности упаковывались в ящики. Эта процедура происходила в присутствии члена комиссии, представителя РКИ и кассового персонала, при упаковке ценности снова проверялись по актам и по мере наполнения ящик забивался гвоздями, сковывался железом, обвязывался веревкой, пломбировался и уже в готовом виде помещался на хранение в кладовую. Все упакованные ящики записывались на счет переходящих ценностей по количеству мест ящиков. По мере накопления ценности уездными финансовыми отделами (уфинотделами) направлялись в губернский финансовый отдел (губфинотдел). Полученные ценности из уфинотделов губернским финотделом не вскрывались, а лишь только осматривались тары и правильность упаковки. Все ценности записывались на счет переходящих ценностей по количеству и с этого счета направлялись в Гохран. Такой порядок записи церковных ценностей был предписан Центром.

Учет и составление общегубернской сводки изъятых ценностей были возложены правительством на губернскую комиссию, в которую губфинотдел и уфинотделы доставляли все сводки и документы. Губфинотдел, таким образом, мог дать более точные сведения только по ценностям, принятым по Туле и Тульскому уезду. Сведений же по губернии губфинотдел дать не мог в силу того, что некоторые уфинотделы присылали копии актов изъятых ценностей, а некоторые — только неполные описи отправленных ценностей. Эти документы не могли служить исчерпывающими данными для точных и подробных сведений. Таким образом, ответ на срочное отношение адмтдела Тульского губисполкома от 14 января 1925 г. № 5084, данный приходно-расходной кассой Тульского губфинотдела 17 января 1925 г. № 07117646/0319, являлся не соответствующим действительности, так как составлен из неточных документов и, кроме того, многих документов из уфинотделов в делах кассы не имелось. После тщательной проверки и сличения документов по описям изъятий Тулы и Тульского уезда установлено, что сводка губкомиссии со сводкой губфинотдела не верна, так как некоторых актов в делах комиссии не оказалось, кроме того,

ей были допущены технические ошибки по различным ценностям. Подробности разногласий были изложены в акте особой комиссии по проверке упомянутых ценностей.

Таким образом, точных сведений о количестве изъятых церковных ценностей в Тульской губернии нет, или, по крайней мере, к существующим данным следует относиться с учетом приведенного выше анализа отчета Тульского губфинотдела.

Анализируя кампанию по изъятию ценностей более подробно, нужно сказать, что в Тульской губернии проявилось, в целом, благожелательное отношение церковных советов к кампании. Председатель Тульской губернской комиссии по изъятию ценностей А.А. Пузаков направил во все уездные комитеты телеграмму, содержащую следующие указания: «непременному изъятию» подлежали серебряные и золотые ризы, оклады, украшения икон, «футляры от престола», паникадила, подсвечники и кадила, лампы и т.п. Когда не было возможности заменить чаши, блюда, диски, сделанные из драгоценных металлов, менее ценными, предписывалось оставлять в церквях необходимое количество сосудов, за исключением золотых, которые изымались во всяком случае, на что следует обратить особое внимание. Замена допускалась по ходатайству группы верующих в случаях, когда речь шла о какой-либо местной особо почитаемой святыне, например, ризе особо чтимой народом иконы, и предполагала в качестве эквивалента равноценное количество серебра или золота. При этом никакие сборы по домам не допускались. Изъятие литых из благородных металлов икон, крестов, особо чтимых или чудотворных, могло отсрочиваться, для чего необходимо было возбудить ходатайство об их замене соответствующим эквивалентом через Тульскую губкомиссию перед ЦК Помгола. Изъятие предписывалось производить согласно точному смыслу декрета ВЦИК и инструкции, не допуская в целях сохранения спокойствия изъятие ничтожной части ценностей и не оставляя главные ценности и не приостанавливать изъятия из-за предложений со стороны верующих выкупить церковные ценности. Там, где было произведено неполное изъятие, под предлогом проверки изъятых ценностей необходимо было произвести дополнительное изъятие. «Ходатайства об оставлении части ценностей не приостанавливают изъятие, а с заключением Комиссии направляются в Губкомиссию, — сообщал далее в телеграмме А.А. Пузаков. — Духовенство, лояльно относящееся к выполнению декрета об изъятии ценностей, которое точно и прямо призывает верующих к исполнению декрета, необходимо поддерживать» [2, л. 69].

7 апреля 1922 г. состоялось объединенное заседание Президиумов Тульского губисполкома и губкома РКП (б). Слушали доклад Помгола о сборе ценностей и проведении общегражданского налога, а также доклад о сборе ценностей А.А. Пузакова, постановили: доклад

принять к сведению; линию работы комиссии признать правильной и деятельность ее одобрить, поручив всю работу по изъятию закончить к 1 мая; вопрос о дальнейшем порядке изъятия церковных ценностей перенести на заседание Тульского губкома [3, л. 72—72 об.].

Президиум Тульского губкома РКП (б) на заседании 7 апреля 1922 г., заслушав доклад Ф.И. Андрианова о сборе церковных ценностей, постановил: «1. Признавая постановку агитации по сему вопросу слабой, предложить тт. Ф.И. Андрианову, А.А. Пузакову и Левиянту поставить дело на надлежащую высоту; 2. Поручить тт. Ф.И. Андрианову и А.А. Пузакову изъятие церковных ценностей провести в порядке партдирективы» [4, л. 73 об.].

Заслушав на заседании 23 апреля 1922 г. доклад А.А. Пузакова, Президиум Тульского губкома постановил: «1. Предложить товарищу Левиянту усилить печатную и агитационную кампанию в области изъятия церковных ценностей; 2. Предложить тов. Ф.И. Андрианову немедленно приступить к работе по изъятию ценностей» [4, л. 77].

Изъятие церковных ценностей в Туле было закончено 18 мая, по Тульскому уезду — 26 мая, Веневскому уезду — 24 мая, Епифанскому — 23 мая, Крапивенскому — 22 мая, Новосильскому — 29 мая, Одоевскому — 20 мая и Чернскому — 21 мая.

В остальных уездах — Алексинском, Богородицком, Белевском, Ефремовском и Каширском — в начале июня 1922 г. местными уполномоченными комиссиями производилась на местах фактическая проверка и дополнительное изъятие ценностей, не попавших по каким-либо причинам в старые описи, работа фактически заканчивалась.

В отчете приходно-расходной кассы Тульского губфинотдела, отправленном в валютное управление Народного комиссариата финансов (Москва, Ильинка, Рыбный, 3) сообщается о количестве церковных ценностей на 20 декабря 1922 г., как отосланных, так и подлежащих отсылке в Москву: золота — 15 ф. 22 з. 35 д., серебра — 809 п. 14 ф. 75 з., золотых монет на 5 руб., серебряных монет на 2197 руб. 35 коп., жемчуга по весу — (дефект документа — *Свящ. Н. Е.*) п. 8 ф. 13 з., драгоценных камней поштучно: жемчуга 102 шт., бриллиантов — 575 шт., розочек — 261 шт., рубинов — 120 шт., алмазов — 1977 шт., сапфиров 57 шт., аметистов — 7 шт., изумрудов — 2 шт., топазов — 48 шт., бирюзы — 2 шт., убрисов с жемчугом — 5 шт. [1, л. 83 об., 84]

Священник Павел Брылев приводит несколько другие данные изъятых ценностей в Тульской губернии: серебра — 817 п. 84 ф. 2 з., золота — 15 ф. 22 з., жемчуга 8 ф. 12 з., бриллиантов — 575 шт., сапфиров — 57 шт., рубинов — 120 шт., розочек — 261 шт., аметистов — 7 шт., изумрудов — 2 шт., алмазов — 1976 шт., топазов 48 шт., бирюзы — 2 шт., серебряных монет на сумму 1931 руб. 56 коп. и медных на сумму 35 руб. 68 коп. [6, с. 48].

По Туле и Тульскому уезду к концу 1922 г. было изъято серебра — 310 п. 13 ф. 74 з., золота — 11 ф. 87 з. 73 д., жемчуга 1 ф. 84 д., или в штуках — 74 шт., убрусов с жемчугом — 5 шт., бриллиантов — 497 шт., сапфиров — 55 шт., рубинов 112 шт., аметистов — 2 шт., топазов — 48 шт., бирюзы — 1 шт., хризолитов — 2 шт., золотых монет на сумму 5 руб., серебряных монет на сумму 1881 руб. 31 коп., медных монет — 85 руб. 68 коп.

Первая партия ценностей была направлена в Гохран 26 апреля в количестве 54 ящиков, из которых: по Туле — 34 ящика, по Ефремову — 9, Одоеву — 7, Кашире — 2, Черни — 2. Два ящика были сданы в местный фонд. Вторая партия была отправлена 26 июня, третья — 20 июля, четвертая — 22 июля, пятая — 25 сентября. Всего по Тульской губернии было отправлено в Гохран 187 ящиков [1, л. 91 об.].

Из акта приема церковных ценностей в Гохране в сентябре 1922 г. видно, что не всегда соблюдалось четкое оформление груза. «Означенные места с ценностями опечатаны печатями и пломбами Каширского казначейства (пломбы неправильно запломбированы на всех семнадцати местах; в двух местах тара повреждена и сданы в кладовую...)» [1, л. 61]. Следует отметить, что в целом изъятие ценностей в Тульской епархии происходило мирно, «... даже сколько-нибудь заметных протестов не пришлось отметить» [5, с. 2]. При всем этом, описанный выше порядок изъятия весьма редко соблюдался в полном объеме, власти не имели ни малейшего желания идти на уступки верующим.

Таким образом, кампания по изъятию церковных ценностей выявила несколько основных направлений формировавшейся политики коммунистической партии в отношении Русской Православной Церкви:

1. Поддержка любых оппозиционных направлений внутри Церкви;
2. Подавление сопротивления государственной антицерковной политике в Церкви вплоть до физического уничтожения духовенства и мирян;
3. Раздробление церковной структуры на несколько борющихся друг с другом группировок, внедрение в них собственной агентуры.

Следует также сказать, что в качестве основной цели изъятия ценностей большевики предполагали не направление вырученных средств голодающим, а пополнение золотовалютных запасов РСФСР в интересах маневрирования во внешнеполитических вопросах, о чем председатель СНК В.И. Ульянов (Ленин) писал В.М.Молотову, будущему наркому иностранных дел: «Нам... необходимо провести изъятие церковных ценностей, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько миллионов золотых рублей. ...Без этого... никакое отстаивание своей позиции в Генуе... совершенно невысказано. ...Никакой другой мо-

мент кроме отчаянного голода не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который... по крайней мере, обеспечивал бы нам нейтралитет этих масс» [8]. Следовательно, кампания по изъятию ценностей была новым этапом в войне Советского государства против Церкви. Это подтверждается и другими словами большевистского вождя: «...Для нас это [изъятие ценностей — *Свяц. Н. Е.*] единственный момент, когда мы можем 99 из 100 шансов... разбить неприятеля на голову. ...Когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо... будет не в состоянии поддержать ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут... испытать политику насильственного сопротивления... декрету об изъятии ценностей» [8]. При всем этом по опубликованным данным власти закупили за границей 3 миллиона пудов хлеба и «некоторое количество других продуктов питания» [7]. Это означает, что церковные ценности, по мнению В.С. Русака, использовались не более чем на 0,6 % [9]. В это же время в портах Черного моря в трюмах кораблей лежали 21 млн. пудов зерна, которые привезла голодающим американская благотворительная организация «АРА». По заявлению ее руководителя, американская администрация «за последние два месяца для голодающих и для осеменения полей Поволжья доставила в порты Черного моря свыше 21 млн.пудов зерна, из числа которых советская власть смогла вывезти в центр лишь около 1,5 млн.пудов» [9].

Рецензенты:

Махно Л.П., протоиерей, канд. богословия, зав. кафедрой теологии Тульского государственного ун-та;

Понарин П.В., канд. ист. наук, доцент Тульского филиала Международного юридического ин-та.

Список источников и литературы:

1. ГАТО. Ф. Р-226. Оп. 5. Д. 1030
2. ГАТО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 142
3. ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 296.
4. ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 291.
5. Белевский пролетарий. 1922. № 40 (233).

6. Брылев П., священник. История Тульской епархии. Новейший период. Библиотека МДА. Машинопись. Сергиев Посад, 1998.

7. Плаксин Р.Я. Крах церковной контрреволюции 1917—1923 гг. Л., 1968. С. 155

8. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. М., 1996, С. 88—92

9. Русак В.С. Голод и изъятие церковных ценностей // Макарьевские чтения. Материалы девятой международной конференции. Горно-Алтайск, 2011. С. 194.